

- В русской литературе тема поэта и поэзии является одной из ведущих. Стихи такого рода всегда представляют собой своеобразный творческий самоотчет, напряженную авторскую исповедь, почему и приковывают к себе внимание читателя.

- Слово «поэт» для М. Цветаевой звучит всегда трагично, так как поэт не совпадает со своей эпохой, он — «до всякого столетья». Причастность к тайнам бытия, поэтические прозрения не спасают его от жестокости окружающего мира. Поэт чувствует себя в мире изгоем, лишним:

Что же мне делать,
слепцу и пасынку,

В мире, где каждый и
отч и зряч,

Где по анафемам, как
по насыпям —

Страсти! где насморком

Назван — плач!

- Эта тема особенно напряженно звучит в цикле «Поэт», но в этом же цикле есть и совершенно иная трактовка судьбы поэта:

Поэты мы — и в
рифму с париями,
Но, выступив из
берегов,
Мы бога у богинь
оспариваем
И девственницу у
богов!

Поэтов путь: жжя, а
не согревая,
Рвя, а не взращивая
— врыв и взлом —
Твоя стезя,
гривастая кривая,
Не предугадана
календарем!

Прадеду — товарка:

В той же
мастерской!

Каждая пометка —

Как своей рукой...

Пелось как —

поется

И поныне — так

Знаем, как

«дается»!

Над тобой «пустяк»,

Знаем — как

- Сущность же поэзии М. Цветаева видела в том, что она передает «строй души» поэта. Этот душевный строй должен быть новым, не похожим на другие. Поэту запрещается повторять то, что уже было сказано, он должен изобретать свое, открывать и воплощать новые душевные состояния. «Не хочу служить трамплином чужим идеям и громкоговорителем чужим страстям», — писала М. Цветаева.
- Так понимаемая поэзия стала для поэта опорой в тяжелых жизненных испытаниях. «Ни с кем, одна, всю жизнь, без книг, без читателей, без друзей, — без круга, без среды, без всякой защиты, причастности, хуже, чем собака, а зато... А зато — всё», — говорила М. Цветаева в одном из писем. «Всё», — это поэзия, ставшая для нее высшей причастностью